

Преодоление стереотипов: обзор печати Финляндии на русском языке

Екатерина Протасова

ХЕЛЬСИНКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, Финляндия

Сопоставляя нечто русское или российское с чем-то финским или финляндским, мы вытягиваем отдельные штрихи из прошлого и настоящего народов-соседей. Две страны подобны по климату и общей истории, но разнятся по языку и доминирующей конфессии (напр., Мустайоки, Протасова 2002, 2004а,б). Мы рискуем недооценить или переоценить различия и сходство. Тем не менее, этим занимаются путешествующие либо живущие в Финляндии русскоязычные люди¹, и игнорировать интерес как обывателя, так и искушенного наблюдателя невозможно. Стоит также отметить, что русскоязычная печать Финляндии, будь то газеты или журналы, не позиционирует себя как сугубо местная: она ориентирована на весь балто-скандинавский регион, как на туристов, так и на локальную аудиторию. Представляется, что именно стремление расширить границы, рассказать об узких интересах так, чтобы это звучало общезначимо, является одной из наиболее привлекательных характеристик исследуемых изданий.

Культурные формы жизни становятся все более разносторонними, а их когнитивное содержание – все более богатым, что приводит к обнаружению сходства жизненных укладов, которые, в свою очередь, структурируются лежащими в их основе религиозными картинами мира, утверждает Ю. Хабермас (2006: 53). При этом любая культура содержит представления о том, что какие-то из поверий правильные, а иные – нет. Плюрализм мировоззрений, языков и укладов, сохраняющих устойчивую культурную идентичность, выдвигает также вопросы толерантности и истинности (там же). Отсюда следует, что абсолютно нейтральное представление взглядов и мнений, наверно, невозможно.

В ситуации иммиграции меняются основные устои и уклад жизни, некоторые черты должны быть переняты сразу, другие «вплывают», как говорят финны, постепенно. То, что оставлено позади, кажется неакту-

---

¹ См., например, сайты http://world.lib.ru/country/index_country_27-1.shtml, www.suomi.ru, www.autofin.ru/travel.

альным, но чтобы понять, почему от одного следует отказаться, а другое принять, люди активно перерабатывают как прошлые, так и новые содержания. Одним из способов преодоления возникающих трудностей становится публичная дискуссия о происходящих изменениях, трибуна для которой предоставляется на страницах русскоязычной печати, ибо именно там возможно передать на родном языке оттенки мироощущения.

Русскоязычная диаспора, насчитывающая около 35 миллионов человек, имеет свои издания в 80 странах мира. Тенденция последнего времени – пристальный взаимный интерес зарубежных русских и россиян, отчасти спровоцированный экономической сферой деятельности, отчасти являющийся следствием демократизации, но больше всего обусловленный экспансией новых богатых на мировом рынке. Люди с достатком, говорящие по-русски, поселяются в разных странах и сливаются с предыдущими волнами эмиграции в обновленных русскоязычных общинах. По словам В. Игнатенко, русская печать за рубежом исторически, начиная с А. И. Герцена, всегда была в оппозиции к России, режимы власти в которой на протяжении полутора веков менялись, но и материковая Россия была настроена негативно по отношению к диаспоре. Однако теперь отношения эти изменились в корне: и русскоязычная зарубежная печать поддерживает прогрессивные российские реформы, и власти метрополии помогают существовать зарубежным изданиям материально, идеологически, морально (Игнатенко 2006). М. Гусман считает, что «“Русскофония” (по аналогии с франкофонией) – [...] единое информационное пространство русского языка, в котором живут и работают люди, воспитанные в системе русского языка и культуры независимо от национальной принадлежности, места проживания, вероисповедания и т. д.», и задача, с точки зрения российского государства, состоит в использовании этого рычага. Журналист-политолог подчеркивает, что бессмысленно создавать невостребованные новые русскоязычные издания специально для зарубежных соотечественников, важнее использовать уже сложившийся потенциал для пропаганды своих идей (Гусман 2002). Иными словами, должно быть влияние без слияния, самостоятельность, ограниченная практической и духовной зависимостью. Доступность российской прессы фактически в любом газетном киоске земного шара и интернет-версии основных изданий заставляют людей искать в местных публикациях важную локальную информацию, сведения, недоступные тем, кто «далеко и высоко».

В то же время финские ученые говорят о проявлениях расизма в финляндских СМИ, о недостаточно объективной оценке и освещении фактов, связанных с иммигрантами (например, Raittila 2002); было показано, что общественное мнение зачастую предъявляет к приехавшим завышенные требования. Большинство коренных жителей рассчитывает, что новые

сограждане в состоянии стать точно такими же, как они сами. Если собрать вместе тех, кто в Финляндии говорит по-русски почти как на родном языке и считает этот язык довольно близким с рождения, это будет около 1% населения. По мнению главного редактора газеты «Спектр» Э. Гусатинской, ратуя за интернационализм и толерантность, журналисты сами не готовы вступить за своего коллегу-иностранца, испытавшего на себе проявления расизма. С ее точки зрения, «это тот же феномен, который проявляется в разговоре с россиянами о России: право любить страну, но не переносить и критиковать то, что в ней происходит, имеют далеко не все». Для Э. Гусатинской возможность участвовать в процессе развития Финляндии для ее русскоязычных жителей обусловлена самоуважением и умением вести диалог с обществом на финском языке (Спектр 7/2002: 3). Таким образом, предполагается, что у русскоязычных явно недостаточно ни самоуважения, ни знания финского языка. Подмечено, что тот, кто уехал из России, теряет право на компетентное мнение о ней: россияне тоже считают, что только они способны иметь непредвзятое, всестороннее и обоснованное мнение об этой стране. Однако антропологам известно, что только совокупность взглядов извне, изнутри, из исторической перспективы, плюс сравнение с аналогичными ситуациями может дать сколько-нибудь объективную картину анализируемого явления. Другие исследования, на которые ссылаются газеты, касаются такого важного явления современной компьютеризированной, оснащенной мобильными телефонами и прочими технологическими усовершенствованиями Финляндии, как Интернет (например, Финляндский торговый путь 7/2003 и другие номера данного периодического издания). Традиционные взаимно интересные темы – строительство, лесная промышленность, полиграфия, экология, источники энергии, ее переработка и потребление, где что купить.

Зарубежные русскоязычные СМИ (средства массовой информации, массмедиа) интересны там, где они издаются, тем, про кого они говорят и пишут, но не только. С точки зрения литературного критика О. Чернорицкой, в финляндском русскоязычном историко-культурном и литературном журнале “LiteraruS – Литературное слово” обсуждают проблемы русской культуры в эмиграции и соотношения понятий «свое-чужое», болезненной и всевечной проблемы, для критика [по нашему мнению, ошибочно. – *Е. П.*] – специфичной для России [философы и социологи считают, что проблема универсальна. – *Е. П.*]. Задавая вопрос о том, что верно – границы преодолеваются или устанавливаются посредством искусства, Чернорицкая отмечает, что художественная проза сильнее в преодолении границ, чем публицистика. В финской русскоязычной художественной прозе актуализируется сходство культур, а в публицистике – их различия. Автор предлагает прийти к выводу, что

разность и чуждость – не предмет для рефлексии: «не только русские эмигранты – чужие для нас, но и мы внутри России разделены на своих и чужих по областям, районам, в каждом из которых кипит отдельная литературная жизнь» (Чернорицкая 2006). Таким образом, мысль бьется в тенетах многомерных противопоставлений: что мое, а что не мое; где граница допустимой нормы вариантности; когда я перестаю быть тем, что я есть; при каких условиях появляется и исчезает русскость; что подлинно – живая или законсервированная традиция; что в нашей жизни русское, что российское, а что советское; может ли быть сознание без (национального) языка или язык без (национального) сознания.

Сама по себе журналистика, ранее считавшаяся низким жанром по сравнению с художественной литературой, сейчас становится предметом мультидисциплинарных исследований. Без сомнений, это постструктуралистское влияние, при котором важно обсуждать не то, как что-то должно быть, каким оно бывает в наивысших, наиболее интеллектуальных и идеальных своих проявлениях, а то, как оно есть, в качестве явления неправильного, массового или широко распространенного. С нашей точки зрения, это также влияние возрастающей роли увеличивающегося среднего класса. Ученые открыли для себя пласт низменных жанров, интересных большинству, которое, разбогатев, перестало стесняться того, что ему интересно. Занимая промежуточное положение между дискурс-анализом, культуро-, полито-, социо-, антропо- и психологией, эти изыскания, часто сосредоточивающиеся на опросах и мониторинге мнений, получили пока еще мало интегрированных содержательных данных. В принципе, речь обычно идет об исследовании взглядов финансирующих организаций, создателей материалов и потребителей письменного и устного слова. Нашей задачей является поиск подспудных целей и сверхзадач, прослеживаемых в текстах русскоязычных газет Финляндии (для анализа взяты «Спектр» и «Финляндский торговый путь»; подробнее см. Лайхиала-Канкайнен, Рюнкянен 2007; Протасова 2004).

Целью настоящей статьи является выявление моментов, когда русскоязычная пресса пытается нащупать и сформулировать стереотип в отношении русских или финнов, а затем его опровергнуть. Среди таких преодолеваемых установок может быть, в частности, объяснение сначала самому себе, а потом другим, что финны что-то говорят и делают не так, как в России.

Нередко это проявляется на языковом уровне: приводятся кальки, цитаты, заимствования, вкрапления, причем подчеркивается, что смысл их иной, чем в русском языке. Например, вместо слова *молодежь* к слову *дети* в устойчивой фразе присоединяется словосочетание: «дети и, как говорят в Финляндии, молодые взрослые...». Переводится финский фразеологизм, соответствующий русскому «выпорхнул из родительского дома

/ гнезда»: «живет с мужем и младшим ребенком в Вантаа, старший “вылетел из гнезда”», что было бы вернее заменить метафорой «встал на крыло», т. к. молодые люди, согласно традиции, должны уходить от родителей и начинать жить самостоятельно. Разъясняется целое понятие, не столько финское, сколько характерное для современной полемики вокруг семейных отношений: ребенок-пятиклассник, зная из телевизионных передач о том, как требуется воспитывать детей, жалуется маме, что у них мало “качественно проведенного вместе времени”; мама в ответ предлагает не спорить, а ценить любое проведенное вместе время, и разъясняет попутно тем, кто еще не знаком с обсуждаемым термином: «“Качественное время” – не обязательно совместные походы в пиццерию или боулинг, можно просто всем посмотреть приятный фильм по телеку, сходить в лес и покормить белок или зажечь свечи и поболтать обо всем на свете» (Спектр 11/2004: 3). Поход в пиццерию и боулинг, как приметы заграничной жизни, увиденной как бы из прежней России или даже СССР, противопоставляются здесь бесплатным удовольствиям просмотра телевизора, прогулки по лесу и полуиностранному зажиганию свечей. Приведение конкретных примеров, во-первых, демонстрирует читателям, что они не так уж отстали от жизни, если не слышали раньше термина, а во-вторых, доказывает, что они как раз и проводят время качественно, не хуже, чем финны, хотя им до этого не приходило в голову называть это так по-научному. Получается, что можно, даже не выдумывая новых слов, вполне идти в ногу со временем.

Столетия протестантизма накладывают отпечаток на строгость в использовании развлечений (если дети пошли в школу, то летние аквапарки закрываются независимо от погоды), на чувство вины, если что-то происходит не тогда, когда положено. Выпуская летний номер газеты, редактор задает вопрос, почему уже подводятся итоги лета, и сама же на него отвечает: школьный учебный год начинается в середине августа. В Финляндии принято писать о научных исследованиях, о темах и содержании защищаемых диссертаций, и журналист тут же подкрепляет свои рассуждения описанием исследования, посвященного явлению пост-отпускного кризиса: на 3-й, 8-й и 9-й день после возвращения бывший отпускник чувствует себя усталым, неудовлетворенным и т. п. (Спектр 6/2002: 3) Вписывая себя в эти рамки, экс-россиянин понимает, как глубоко проникают в душу человека общества, построенные на психологически грамотном подходе, отчего, вероятно, проникается доверием ко всему этому обществу в целом. Заодно дается урок демократии: в классе в конце учебного года выбирают Настоящего друга, но не того, кто был награжден этим титулом в прошлом году (Спектр 5/2004: 3). Читателям в ненавязчивой манере рассказывают о традициях отмечать получение выпускником школы *белой фуражки*, а его матерью – *золотой лиры*, т. е.

брошки, которую выпускник должен преподнести своей матери (Спектр 5/2005: 3). Традиции празднования Первоя в Финляндии связаны с воздушными шарами, белыми студенческими фуражками, *пампушками* (палочками с бумажными полосками, подобными тем, которыми машут чир-лидеры), но также и с демонстрациями; более современная их форма – *интернет-петиции* (Спектр 4/2006: 3). Само решение о том, что можно и не идти учиться дальше сразу по окончании школы, а попробовать поискать себя, пойти в армию или в профессионально-техническое училище для россиянина кажется странным, если не абсурдным (Спектр 5/2006: 3).

Бывают и специальные статьи, посвященные финским традициям, например, «кофейной церемонии», важнейшему ритуалу, повторяемому и в будни, и в праздники, одновременно и демократичному, и социально значимому. Важно, что подают к кофе, как накрывают на стол. При этом лучшего, в отличие от традиции русской, никогда не предлагают. Если гость приходит на кофе, можно хвалить еду, но не кофе, которого пьют очень много, хотя варят плохо и жидко. Хозяину положено скромничать, но за кофе сердца раскрываются и люди откровенничают. Чай пьют редко, но именно в кофе скрыта любовь финнов к экзотике. В разных областях Финляндии есть свои традиции варить кофе; кофе с добавками и специализированные кофейни появились только недавно и не очень одобряются (Спектр 7/2005:18). ореол самой пьющей кофе нации очень нравится финнам, говорит им об их компетентности в международных вопросах; тему кофе периодически поднимают и ведущие финские издания. Это автостереотип². Среди иностранцев живуч другой миф – о сухом законе (просуществовавшем совсем недолго; впрочем, и высокие цены на алкоголь теперь снижены, что, правда, привело к увеличению количества разнообразных преступлений). Важный основополагающий гетеростереотип – о женском равноправии, о феминизме. Автостереотип россиян – что женщине никогда не удастся отстоять свои права (как бы действительность ни доказывала обратное). Поэтому в газетах разъясняют, что женщины имеют право на безопасность, на труд, на возможность спокойно приходить домой, не подвергаясь насилию (Спектр 10/2005: 9). Малоизвестный за пределами Финляндии, но очень существенный для финнов образ – летняя жизнь на даче на берегу озера с березами, скалами и ягодами, но без всякого комфорта. Привлекают следующие моменты: долгий сон, физическая работа (рубка дров, чистка сортира), купание, сауна, отсутствие людей и телефонов, словом, получение куса природы, возвращение к корням и энергетическая подзарядка

² В отношении русских финны уверены, что кофе им пить трудно, что они пьют только чай, в который неизвестно что намешано.

(Спектр Лето/2006: 18). В Финляндии 460 000 загородных домиков, ежегодно появляется четыре с половиной тысячи новых дач. Там проводят от 80 до 109 дней в году; новая тенденция – превращение дачи во вторую квартиру (Финляндский торговый путь 7/2003). Радостно для русскоязычных читателей узнать, что на чемпионате мира по сидению в парилке (или, как говорится в статье, по банному жару) в Хейноле, т. е. в традиционном финском виде спорта, среди женщин выигрывает белоруска (Спектр Лето/2006: 16–17). Опровергая или, наоборот, продуцируя, скорее, даже не стереотипы, а просто недостаточно подробные знания о Финляндии, говорят о различных финских диалектах и культурных традициях разных регионов (Финляндия – не однородна, везде свое), о традициях переживания смерти и похорон, заключения брака и свадьбы, о традиционных и современных вариантах семьи и обрядах. Интерес к исследованиям, организованным Финляндской академией в рамках проекта «Изменяющаяся Россия», или «Россия в процессе перемен», показал, в частности, что россиянки, в отличие от долго выбирающих финок, раньше выходят замуж и рожают детей, а финки нередко остаются бездетными. Исследования множества финляндских научных подразделений связаны с Россией, и отсюда, а не из российских публикаций, можно получить обоснованные данные о развитии этой страны.

Влияние погоды и проблем зимних и летних месяцев отражаются в газетах. Так, наступление зимы дает повод поговорить о том, как с этим явлением справляются финны: они не погибают от мороза, все виды наземного, воздушного и некоторые виды водного транспорта справляются с перевозками пассажиров и грузов безотказно, гораздо меньше, чем в других странах, болеют гриппом и другими простудными заболеваниями, мало травм. Однако дело не в генах, а в умении жить зимой, в приспособленности жилищ, дорог, транспорта, одежды, здравоохранения, коммунальных служб, рабочих мест к данным климатическим условиям, плюс ориентированность на человеческие потребности: у людей не должно быть неудобств и дополнительных проблем (Финляндский торговый путь 10/2003). Таким образом, продуманность от мелочей до широко-масштабных решений и ориентированность их на человека – вот что удивляет русских в Финляндии.

«Финское – значит отличное!» называется статья М. Темчиной. Журналистка задумывается, почему здесь такие качественные продукты питания и производят их так много, что хватает самим и на экспорт в Россию. В ответе подчеркивается, что важно не только правильное изготовление, но и вся цепочка, а также привычка народа к качественному питанию и здоровому образу жизни (Финляндский торговый путь 9/2004: 3). По данным интернет-опроса журнала «Ридерс дайджест», в глазах других европейцев финны оказались сексуальными (5-е место), хорошими

работниками (6-е место по трудоспособности), трудолюбивыми, любящими поесть и производящими качественные и экологичные продукты питания, а среди немногочисленных недостатков были выделены замкнутость, закрытость, любовь к спиртному, полнота. Сами финны больше всего любят англичан, а не любят русских; не любят они и шведов, но из всех европейских стран могли бы жить предпочтительно в Швеции, а любимый город, как и у всех, – Париж (Финляндский торговый путь 9/2004: 10).

Для финнов (на финском языке) в газете сообщается, что россияне верят в западные торговые марки, что в России считается шиком тратить много денег, что больше боятся террористов, чем реально угрожающих всем экологических проблем, что в России много строят, что для Финляндии через Россию лежит путь дальше на Восток, что российские туристы тратят в Финляндии миллиарды евро, закупая автомобили и запчасти для них, рабочие инструменты, одежду, мебель, а также пользуются медицинскими и различными сервисными услугами. Финнов удивляет отношение русских к религии, как чрезмерное ею увлечение, так и наличие борьбы с сектантством. Финнов волнует безопасность, стабильность, забота о простом человеке, пути развития демократии. К числу обсуждаемых особенностей российского поведения на русском языке (в предостережение читателям) относятся хроническое бизнес-опоздание, незнание иностранных языков, стремление получать подарки ни за что (коррупция), чрезмерное хлебосольство, громкий голос и т. п. Затрудняют успешный бизнес неоправданно высокие пошлины, серые схемы недобросовестных партнеров, трудности с подбором персонала, нежелание носить удобную форменную одежду фирмы, необходимость не пришивать большие карманы, в которые влезают бутылки, административные препятствия (Финляндский торговый путь 12/2005, 8).

В статье «Финляндия. Реалии и мифы» Т. Гасик пишет, что, согласно данным международного исследования экономического и социального развития, Финляндия занимает первое место в мире по показателям конкурентоспособности государства, низкого уровня коррупции; обеспечения чистой водой; качеству высшей школы и аспирантуры; эффективной защиты окружающей среды. Достаточно высокие показатели отмечены и в таких областях, как финансирование научных исследований; количество женщин в парламенте; инновативность производства и внедрение научно-технических разработок; уровень жизни; безопасность; система здравоохранения. (В скобках отметим, что по многим из этих параметров финны критикуют Россию.) Журналистка же начинает развенчивать положения авторитетного исследования. Миф о том, что здесь живут обеспеченные люди, опровергается тем, что 10% населения – бедные, их годовой доход достигает 6–7 тысяч евро (это люди, живущие на социальную

помощь, матери-одиночки, инвалиды, безработные, пенсионеры, семьи с одним работающим, те, у кого неполный рабочий день), причем их относительные доходы падают вследствие постоянного роста цен; подавляющее большинство живет на 8–10 тысяч евро в год. Миф о том, что здесь безопасно и много долгожителей, подвергается сомнению: уровень насильственной смерти – один из самых высоких в Европе, как на Кубе или в Венесуэле, много молодых мужчин погибает в драках, от алкоголя, наркотиков или от инфаркта, а женщин – от последствий курения; постоянно растет число больных диабетом. Миф о здравоохранении не имеет основания, т. к. высокий уровень медицинских услуг доступен только избранным, в большинстве случаев к врачам многонедельные и многомесячные очереди, диспансеризации нет вообще, больные обходятся со своими болезнями сами. О самой эффективной в мире экономике не стоит говорить, потому что среднестатистический финн занимает по покупательской способности только 23 место в мире (высокие доходы страны не чувствуются в жизни обычной семьи); население стареет, уровень безработицы высок. Уровень зарплат ученых, инженеров, врачей, учителей, социальных работников – один из самых низких в Европе; уровень использования технических новинок не растет, а понижается (Финляндский торговый путь 1/2004: 12). Из написанного журналисткой можно сделать вывод о необходимости критического отношения даже к таким показателям, которые зачастую преподносятся официальными органами как оптимальные результаты, кажутся положительным и авто-, и гетеростереотипом.

Помочь решению внутренних и внешних затруднений с самоопределением могут те финны, которые стремятся завязать контакты с Россией и знают русский язык. Х. Лахелма – продюсер выставок российских музейных экспонатов в Финляндии, заинтересовавшийся, как и многие, Россией вопреки мнению ненавидевших ее родителей. Он считает, что финны плохо знают Россию, что освещение событий в СМИ тенденциозно, что непонятно, почему отсутствует любопытство; через выставки люди, особенно молодые, смогут преодолеть навязанную предыдущими поколениями пугливость. «“Что для меня Россия? – говорит Хейкки Лахелма. – Страна, которая внесла огромный вклад в мировую культуру – музыке, литературу, искусство. Не признавать это – глупо. 250 лет назад мы жили в лесах, наш культурный слой еще очень тонок. А Россия только что отметила 1000 лет дипломатических связей с Англией и столько же исполнилось культурным связям с Италией”» (Спектр 5/2006: 23). Р. Гренблум, владелец сети «Котипицца», выходящий на российский рынок, знает, например, что в Питере такие пробки, что некорректно брать с людей деньги за доставку холодной пиццы на дом, в то же время актуально заказывать блюдо, пользуясь СМС-связью. Из неудобств жизни

в России сетует на то, что выполнению своих обязанностей мешают многочисленные российские соблазны (Спектр 4/2005: 15). Большинству финнов Петербург нравится больше, чем Москва: для них российская столица – слишком небезопасный, большой и шумный город. Такие рассказы позволяют иммигрантам посмотреть на самих себя как несостоявшихся россиян со стороны: что я теряю, не живя в России.

По данным многих статей, большинству россиян нравится в Финляндии то, что она близко, доступна, безопасна, здесь хорошие дороги, высокий уровень сервиса, заботливое отношение к природе. По поводу финнов высказывается удивление, что не все знают русский язык, говорится, что они жадные, скупые, трудолюбивые, спокойные, не вмешиваются в чужие дела, не пытаются навязать другим свои ценности, на родине ведут себя сдержаннее, чем за границей. Финская молодежь, даже демонстрируя особенный внешний вид, ведет себя сдержанно, зато женщины уделяют своей внешности мало внимания: «У финнов, как и у большинства европейцев, совсем другой подход к одежде, чем у русских, – поясняет Галина, сотрудница общественной организации. – И мне он представляется правильным. Если на улице слякоть, то они не будут мучиться с мокрыми ногами и наденут резиновую обувь. У россиян же комплексы, связанные с давней традицией – «встречают по одежке». По-нашему, лучше терпеть неудобную одежду, но хорошо выглядеть. В Финляндии этого нет. Там никто не обсуждает, кто как одет, и относятся друг к другу без учета этого фактора. Они живут для себя, а не для того, чтобы соответствовать каким-то нормам. Потому и счастливы намного больше, чем наши соотечественники». Тех, кто переехал в Финляндию на постоянное местожительство, не радует финляндская школа, отсутствие интенсивного общения, замкнутость финнов; за вежливыми улыбками они не видят душевности. Но с точки зрения бизнесмена: «Финны вежливы при любых обстоятельствах, никогда не поставят тебя в неловкое положение. Я прекрасно понимаю, что девушки на кассе в любом супермаркете Хельсинки улыбаются покупателям формально, по привычке. Но мне это намного приятнее, чем угрюмая «искренность» российских продавщиц или сотрудниц других служб, от которых, порой, не знаешь, чего можно ожидать. С российской «душевностью» я сталкивался неоднократно, и ни одному европейцу этого не пожелаю» (Финляндский торговый путь 12/2005: 17).

Финляндские СМИ часто пишут о столкновениях и авариях, в которых участвовали шоферы, как здесь говорят, «с Востока», т. е. россияне. Тем с большим удовлетворением газета выискивает статистику, демонстрирующую, что шведские водители гораздо чаще являются причиной дорожных происшествий, чем россияне, хотя их по дорогам Финляндии ездит намного меньше, чем соотечественников (Спектр 2/2006: 3). Не

первый и не единственный раз представители русскоязычного общества полагают, что шведоязычные средства массовой информации в Финляндии гораздо более объективны к россиянам, чем финноязычные, называя при этом финляндских шведоязычных шведами, на что финноязычные финны горячо обижаются. Тем не менее, сообщается и о том, что финляндские СМИ входят в пятерку наиболее свободных в мире, а российские – на 121 месте (Финляндский торговый путь 9/2003).

К числу вещей, которые трудно понять россиянам, относится пренебрежительное отношение финнов к камню (он очень мало используется в строительстве, почти нет «садов камней», нет игры с разнообразными видами гранита и кварцитов, и даже для облицовки Дворца «Финляндия» используют дорогостоящий итальянский мрамор, который быстро разрушается в условиях северного климата). В Петербурге же финским камнем отделано множество зданий. Вызывает удивление и то, что финны восхищаются функционализмом и недооценивают югенд-стиль. Кажется странным широкое использование образов Муми-троллей, созданных финляндской шведоязычной писательницей Туве Янсон, но не в том варианте, как было задумано ею, а в том, который использовался в японском мультфильме, не приобретшем популярности в России, где к тому же были сняты свои мультфильмы по произведениям финской писательницы³. «Если бы мы были финнами, мы бы все сделали не так», – думает россиянин, и тут он, конечно, прав. В отличие от россиян, 94% финнов называют спорт одним из своих увлечений, причем наиболее популярны ходьба, бег, велосипед, лыжи; 78% финнов – болельщики (Финляндский торговый путь 5/2004). Забота о себе и своем здоровье в Финляндии интерпретируется иначе, чем в России: финн хочет быть полноценным членом общества и не притягивать к себе интереса, а русский – выделиться из массы, показать крутизну и завоевать авторитет. В Финляндии уважают тех, кто имеет постоянную работу, но больше всего предпринимателей, сумевших пробиться и заработать состояние, которое, однако, не демонстрируют, за исключением ситуации, когда публикуют полностью сведения о доходах и выплаченных налогах (это происходит в первых числах ноября, и нет дееспособного финна, который бы не посмотрел эту информацию).

Социальная пассивность приехавших в страну общеизвестна и объясняется обычно горьким опытом прошлого, предубеждениями против политики как грязного дела вообще, недостаточной осведомленностью в актуальной ситуации, плоховатым знанием языка, а также удовлетворен-

³ Аналогичным образом русский Винни-Пух не узнается финнами, привыкшими к диснеевскому варианту, и русскоязычным детям трудно выбрать между этими двумя персонажами.

ностью тем, как обстоят дела у них самих (нет претензий к властям), равнодушием к внутренним делам финнов, отсутствием демократического опыта и воспитанной ответственности за перспективы развития страны. Русскоязычные иммигранты редко ходят голосовать, не поощряют тех, кто проявляет инициативу, с пренебрежением относятся к своим же русскоязычным обществам (вроде: «зачем нам это, от чего ушли – к тому пришли»). Другое возможное объяснение – инерция психологии гостя, который боится разозлить хозяина, который может его выгнать. «Однако я уверена, – пишет в редакционной статье этого номера Э. Гусатинская, – что мы будем интересны обществу только в том случае, если ощутим себя полноправными гражданами, способными и отвечать за собственную жизнь, и заботиться о других. Безмолвие нашей диаспоры позволяет принимать решения, которые делают всех нас “заложниками” многих факторов: например, политики Финляндии 20-х годов (формирование менталитета за счет ненависти к русским), Зимней войны (участь ветеранов, роль которых долгое время игнорировалась), годов “великой дружбы” (невозможность критиковать СССР) – мы невольно отвечаем за все последствия до сих пор». И экстраполирует свои выводы: «Наша пассивность приводит к тому, что русскоязычное население Финляндии не воспринимается как реальный партнер, с которым можно выстраивать отношения, и наш статус будут обсуждать не с нами, а на межправительственных переговорах с Россией» (Спектр 10/2004: 3). Грустный итог: русскоязычное меньшинство не хочет быть россиянами, не может быть финнами, не желает подумать о статусе меньшинства, который претит тем, кто привык считать себя большим братом⁴, а в результате, не вливаясь в общество, не вовлекается в финляндский дискурс и атомизируется, страхась набивших оскомину «единства и сплоченности». Однако неверен, как представляется, другой вывод: «станем ли мы равноправной частью общества, сохранив язык и культуру, или останемся “чужеродной массой” – зависит от нас самих» (там же). Сами финны обычно считают, что только взаимными усилиями достигается сближение и взаимопонимание, что без шагов навстречу не будет гармоничного сосуществования коренного и пришлого населения. Для большинства россиян, переехавших в Финляндию в зрелом возрасте, это как раз вопрос использования институтов гражданского общества в отстаивании своих интересов: они не ве-

⁴ Не могу не привести иллюстрации живучести этого мало вербализованного, но глубоко прочувствованного образа. Летом 2006 г. на подмосковной даче довелось услышать дискуссию представителей современного российского среднего класса о том, что все бывшие республики СССР, все малые народы России должны уважать и слушаться русских просто на том основании, что русские – коллективный старший брат. Разговор был спровоцирован обсуждением большого вопроса южной иммиграции.

рят в права личности и в необходимость объединять усилия, в неподконтрольность общественных организаций чьему-то бдительному оку. Многие ненавидят людей, собирающихся под крышей русскоязычных обществ. Они говорят о необходимости быть благодарными за то, что «их пустили», смиряться с судьбой, терпеть.

С другой стороны, русскоязычные иммигранты уже изменили облик Финляндии и будут продолжать воздействовать на него. С. Кагна, создавая отчет о хельсинкском семинаре 2005 г. «Русскоязычные эмигранты – кто они?», приходит к выводу, что ингерманландцы⁵ традиционно основывали свою идентичность на родном финском языке, евангелическо-лютеранской вере, Ингрии-родине и общей истории, но финский язык для ингерманландцев не родной: они говорят на разных языках регионов, где проживают; вера утратила свое значение; единого мнения о местоположении родины не осталось, и только «общая история, рассказы о страданиях народа становятся наиболее значимым элементом этнической идентичности». Говоря о стратегиях молодежи, журналист подчеркивает, что интеграция – это «принятие финской культуры и образа жизни»; ассимиляция – путь, выбираемый иногда ингерманландцами; сепаратизм представлен тремя вариантами и замедляет процесс адаптации. Сюда относятся: культурное отчуждение вследствие слабого знания финского языка и неприятия финской культуры; социальное отчуждение, обусловленное ограничением контактов русскоязычной средой; «психологическое отчуждение: депрессия, отказ от любых контактов; маргинализация: нежелание учиться и получать профессиональное образование, отказ от активного поиска работы, стремление к получению доходов от нелегальной деятельности», причем последнее преодолевается через 2–4 года после приезда (Финляндский торговый путь 11/2005: 15). Постоянное возвращение к одним и тем же терминам и их разъяснение читающим оправдано тем, что новые люди сталкиваются с этими проблемами, и они, в свою очередь, нуждаются в информации.

⁵ Ингерманландия – историческая местность на северо-западе России, территория нынешней Ленинградской области, переходившая от Швеции к России и обратно, отчасти захватывающая территорию Эстонии; населялась с X века финно-угорскими племенами, в XVII веке сюда мигрировали, в основном, финны, но также и шведы. Во время Второй мировой войны, в результате захвата этих мест соединенными гитлеровскими и финляндскими войсками, многие ингерманландцы были вывезены в Финляндию (часть людей попала туда через Германию и Эстонию), но вследствие изменения финляндской политики и приказов Сталина была депортирована обратно в СССР и подверглась репрессиям. В 1990 г. по приглашению финляндского президента Мауно Койвисто финны-ингерманландцы получили право переехать на постоянное местожительство в Финляндию и составили, вместе с членами своих семей, значительную часть современного русскоязычного населения Финляндии.

Писательница Л. Коль отвечает на вопросы журналистки о русских в Финляндии, что многие давно живущие тут «старые русские» – эмигранты первой волны, потомки русских купцов и др. смогли передать детям русский язык в четвертом поколении: «Люди гордятся знанием языка, хотя, конечно, все они уже давно финны», все же им хочется порой выразить себя не только по-фински, но и по-русски; у многих приехавших в 90-е годы детей-иммигрантов два родных языка, может быть, благодаря тому, что в Финляндии школьники ходят на уроки родного (домашнего) языка и литературы. Свой опыт проживания в чужой стране интервьюируемая подытоживает высказыванием: «Работа – это первое и необходимое условие благополучия на Западе, ибо дает человеку социальный статус. Если человек теряет по той или иной причине работу, он теряет общение, интересы его сужаются, круг знакомств резко сокращается, постепенно происходит привыкание к такому образу жизни; он может деградировать – в конечном итоге личность часто разрушается» (Финляндский торговый путь 8/2006: 16).

Русские, работающие в Финляндии, могут действительно изменить и отношение к себе, и отношение к России. Так, герой одного очерка за время работы в доме для престарелых не сталкивался с негативным к себе отношением, хотя коллектив принимал его поначалу с опаской, ведь, по его словам, «настороженность, страх больше присущи 45–65-летним, то есть тем, кто видел или знал нужду послевоенных лет, но не имеет представления об отношениях финнов и русских до революции. Кто прошел войну, многое переосмыслил – нет у них ненависти [...] Один дедок, видя меня, постоянно приговаривает: “Снаю, снаю, паскан харью”⁶, – и весело подмигивает. Бабульки вспоминают своих кавалеров из русских семей, приезжавших на хутора купцов (вкусно пахнущих одеклоном), теплые отношения своих родителей с русскими партнерами» (Спектр 5/2006: 14). Предвзвездки, действительно, свойственны тем, кто сам не сталкивался с русскими на уровне личного общения. Однако карельские пожары лета 2006 г. негативно сказались на восприятии ситуации, сложившейся за последние годы в России и в целом расцениваемой позитивно: многим людям, страдающим астмой и сердечно-сосудистыми заболеваниями, было плохо от гари, содержание которой в воздухе во много раз превышало норму⁷. Реакция финнов была очень сильной, говорилось даже, что из-за полного безразличия, лени и тупой национальной гордости, присущих русским, пожары не тушат и отвергают чужую помощь, причем недобросовестно цитируют пословицы и не выслушивают аргументы противоположной стороны (Спектр 7/2006: 3).

⁶ Смешение искаженных слов двух языков.

⁷ Согласно исследованиям запахов в русской культуре, дым и гарь – одни из самых приятных запахов для русского восприятия, напр., Павлова 2006.

В традиционной картине прошлого советский народ вел справедливую войну против фашистских захватчиков и победил, а 9 мая – День победы. В глазах финнов СССР напал на Финляндию, не смог ее победить, а 27 апреля отмечается как День ветеранов войны. В подсознании иммигранта с русским языком происходит совмещение двух исторических полотен прошлого, потому что они вынуждены считаться с обеими версиями событий. Сама тема войны продолжает быть болезненной для финнов и предметом гордости для россиян. Интересным примером переосмысления прошлого опыта является статья Я. Якконена «Ветераны ПО ЭТУ СТОРОНУ ФРОНТА», где уже прописные буквы в заголовке указывают на значимость новой расстановки акцентов. В ингерманландском центре «Инкерикескус», занимающемся деятельностью с репатриантами, уже несколько лет проводится чествование ветеранов и вдов ветеранов, воевавших против СССР. Они воевали против Красной Армии, после войны отсидели по 15–25 лет в лагерях, считались «врагами народа», а на старости лет получили возможность приехать в ту страну, за свободу и независимость которой воевали в молодости. Объяснение действиям этих людей дается такое: поскольку более 60 000 ингерманландцев находились во время войны на территории Финляндии, в основном в лагерях, нельзя было допустить, чтобы советские войска дошли до них и уничтожили, поэтому приходилось защищать землю, на которой жили родные. Кроме того, они мстили за ликвидацию финских школ и храмов, в течение 400 лет бывших источниками сохранения языка и культуры народа, и за геноцид сталинского времени, при котором ингерманландцы страдали чаще представителей других национальностей, населявших Ленинградскую область. Называя число таких ветеранов – их всего 30, – автор статьи включает приложение «возвращенцы» в скобки, как бы показывая, что это перевод слова «репатриант», либо что они имеют больше прав жить на этой земле, чем другие, поскольку они ее защищали, либо что этот термин в данном случае вообще не применим. А. Якконен пишет: «Между олонекскими и поморскими карелами существует даже шутка-прибаутка, и поморы жалуются: вы, мол, хоть в 1941–43 годах пожили при свободе, а нам и этого счастья не досталось... Имеется в виду то, что Олонекские земли были в эти годы под властью Финляндии. Шутка, конечно, может кому-то показаться некорректной, но только не ветеранам, кто воевал за освобождение своей земли от богоборческой советской власти». Бывшие «изменники Родины» и «враги народа» теперь пользуются в Финляндии всеми льготами и привилегиями и ощущают себя ветеранами. Автор подмечает, что собравшимся легче говорить о войне, потому что там ясно, где враг, а за спиной родной дом и близкие. Свою родословную эти люди ведут от партизанского героя войны со Швецией 1700–1721 гг., воевавшего против России. Якконен упоминает, что его дедушка, финн,

был расстрелян НКВД в 1938 г., а если бы этого не случилось, то, наверно, тоже пошел бы воевать против Советской власти (Спектр 5/2006: 22). В такого рода рассуждениях игнорируется тот факт, что по гитлеровскому плану ингерманландцы должны были быть уничтожены, а их земли заселены немцами. Судьба малых народов, не имеющих крепких корней и крепкой культуры, часто определяется интересами более сильных соседей. Не очень давно, с конца XIX века, начала развиваться самобытность ингерманландцев – разных по языку и истории, объединенных лишь отчасти общей верой, подпитывавшихся из Финляндии духовно, культурно, а также в плане образования и выделения в отдельную народность. Оказалось, что именно общность трагической судьбы в XX веке способна сделать их единым народом. Как нельзя не констатировать, что смешанные браки и разметанность по весям помешали процессу национального объединения⁸.

В том же номере газеты Л. Твалтвадзе развивает идею поисков идентичности на фоне современных завоеваний (туристических) и батальи (спортивных). Рассказывает о презрении финнов к другим, по их мнению, менее цивилизованным народам, хотя они не умеют увидеть со стороны, как выглядят сами в результате потребления немереного количества алкоголя. Финские болельщики на чемпионате мира по хоккею в Риге описываются как вечно пьяные, орущие, сходящие с ума, не дающие никому спать, шатающиеся полуголыми по гостинице и т. п. Журналист комментирует поднимаемую в финских газетах тему как несущественную: латыши забудут о поведении финнов и не будут судить по отдельным примерам о целой нации. Для него описание уродливых проявлений поведения людей, носящих на себе финляндскую государственную символику, важно тем, что это аргумент, когда спор заходит о том, все ли русские воры и проститутки, а сомалийцы – наркоторговцы и бездельники. Не соглашается с ругающим Египет финном, не умеющим удержаться в рамках приличия. Занимает внутрифинляндскую позицию: «Рига наглядно показала: низкие цены на водку нам здесь не нужны». Есть и другой конец шкалы: «Доведись выбирать компанию, я бы предпочел шумного финна с бутылкой, чем англичанина с железным прутом». Защищает своих финнов, говоря, что это позор и стыдно так себя вести, но никто из нас не ангел, способный устоять перед любым соблазном (Спектр 5/200: 12). Стоит также заметить, что, по сути, разнuzданное отношение к национальной символике привилось в Финляндии буквально в последние годы, причем люди старшего поколения до сих пор не могут без содрогания видеть, как флаг касается земли (раньше в таких случаях

⁸ В Эстонии ингерманландцы оформили свое право считаться историческим меньшинством, выполнив жесткие требования закона.

его следовало сжечь), как победители спортивных соревнований закутываются во флаг и т. п. (замечание А. Мустайоки). Итак, здесь уже непонятно, кто свой и кто чужой: получается, что хочется оправдываться за одних перед другими.

Выводы

Обсуждение того, чем отличаются финны от русских и русские от финнов, связано с занятием множества позиций: извне, изнутри, глазами большинства, глазами меньшинства, с учетом позиции противоположной стороны, со знанием и без знания языка и наличием / отсутствием паспорта определенной страны. Предубеждения во всех случаях складывались веками, и более тесные международные контакты последних десятилетий только подогревают интерес к особенностям жизни, быта, мировоззрения географически близких народов. Внуроевропейские различия часто не меньше, а больше, чем различия между финнами и русскими, а внутри-русские – т. е. между разными народами и национальностями, – вероятно, столь же значимы. На восприятие чужого влияет и стаж знакомства со страной и опыт постоянной в ней жизни, соприкосновение с разными пластами обывденного и сферами духовного. Удивительную задачу взял на себя еженедельник «Спектр недели», начавший выходить с октября 2006 г.: знакомить русскоязычное население Финляндии с дайджестом финляндской прессы, с актуальными законами, с деятельностью русскоязычного общества, с условиями получения работы и т. д., иначе говоря, просвещать, информировать, ликвидировать пробелы в интеграции.

Поднимаемые темы и предлагаемые решения не однозначны: охватывается довольно широкий спектр мнений, предлагаются разные подходы. Для достижения объективных результатов представляется чрезвычайно полезным время от времени прислушиваться к голосу «новичков», с их свежим, незамутненным восприятием, и старожилов, которые потеряли бдительность к заимствованиям. Важно также соотносить высказывания тех, кто считает своим долгом представлять этническое меньшинство, с высказываниями тех, кто принимает себя как большинство. С обеих сторон отрицательный исторический опыт, настороженность, недоверие, внимание к мелочам часто соседствуют с безразличием, огульностью и пренебрежением к существенному.

Активная работа русскоязычного населения Финляндии по переработке этнопсихологического содержания видна во множестве проявлений и кажется безусловно значимой. Сближая и отдаляя черты поведения, традиции, современность, авторы статей в газетах «Спектр» и «Финляндский торговый путь» теряются в защите позиций, которые перестали быть

собственными, но приобретают силу при объяснении решений, которых сами не принимали и раньше считали неприемлемыми. Так формируется особое самосознание, при котором достигается определенная нейтральность воззрений и умеренность взглядов. Вырабатывается жизненная позиция, основанная на соединении, по крайней мере, двух основ существования, двух мировоззрений. Моральные устои, воспитанные в разных культурах, вдруг способны дать гибридный продукт, который не может не быть внутренне противоречивым. В то же время рефлектирующие журналисты вынуждены приходить к примату общечеловеческих ценностей.

Литература

- Гусман, М. (2002) «“Русскофония” мирового информационного поля». *Независимая газета*, 10.07.2002, № 137. Доступно в Интернете: <<http://www.ng.ru/2002-07-10/issue.html>> (15.11. 2006).
- Игнатенко, В. (2006) «Территория русского слова. Интервью». *Эхо планеты*. № 24. Доступно в Интернете: <<http://www.explan.ru/archive/2006/24/index.htm>> (15.11. 2006).
- Лайхила, С.; Рюнкянен, Т. (2007) «Русскоязычные Финляндии – история, современность, перспективы». In: *Ethnicity Studies 2007/2. Русские в Балтийском регионе: меньшинство и государство*. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas. P. 70–92.
- Мустайоки, А.; Протасова, Е. (2002) «“Мы” и “они”: русские и финны о русских и финнах». In: Стернин, И. А. (ред.) *Русское и финское коммуникативное поведение*. Вып. 3. Воронеж: ВГУ. С. 14–49.
- Мустайоки, А.; Протасова, Е. (2004а) «Миф, доля истины или чистая правда: представления русских о финнах в свете рассказов и анекдотов». In: Стернин, И. А. (ред.) *Коммуникативное поведение*. Вып. 20: Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки. С. 62–95.
- Мустайоки, А.; Протасова, Е. (2004б) «Финско-русские (не)соответствия». In: Цамутали, А.; Илюха, О.; Коваленко, Г. (ред.) *Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. С. 375–396.
- Павлова, Н. (2006) *Лексика с семей ‘запах’ в языке, речи и тексте*. Канд. дис. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького.
- Протасова, Е. (2004) *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. СПб.: Златоуст. 308 с.
- Хабермас, Ю. (2006) «Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий». In: *Социологические исследования*. № 1. С. 45–53.
- Чернорицкая, О. (2006) «Финляндский историко-культурный журнал на русском языке “LiteraruS – Литературное слово”». In: *Знамя*. № 2. Доступно в Интернете: <<http://magazines.russ.ru/znamia/2006/2/>> (15.11. 2006).
- Raittila, P. (ed.) (2002) *Einisyys ja rasismi journalismissa*. Tampere: Suomen Journalistiliitto [=Mediakriittinen julkaisusarja 6, Tampereen yliopisto].

Некоторые статьи финляндских русскоязычных изданий публикуются в онлайн-версиях: *Literarus – Литературное слово*, журнал www.literarus.com; *Остановка в Финляндии*, журнал www.stopinfinland.ru; *Спектр*, газета www.spektr.net; *Финляндские тетради* www.rusin.fi; *Финляндский торговый путь*, газета www.kauppatie.com; *Фокус*, журнал www.indpress.fi.

Stereotipų įveika: Suomijos spaudos rusų kalba apžvalga

Ekaterina Protasova

HELSINKIO UNIVERSITETAS, SUOMIJA

SANTRAUKA. Pastaraisiais dešimtmečiais keli milijonai žmonių, vartojančių rusų kaip gimtąją kalbą, emigravo iš buvusios Sovietų Sąjungos regionų į įvairias Europos žemyno šalis ir šis skaičius nuolatos didėja. Jie jau nebėra disidentai ir palaiko glaudžius ryšius su šalimis, iš kurių yra kilę. Istoriskai atskirais srautais vyko rusų emigracija į Suomiją, tuo tarpu suomiai, kaip ir fino-ugrų gentys, gyveno modernios Rusijos teritorijoje. Tautiniai stereotipai yra išsiskynę dėl istorinių įvykių ir realios patirties, bet jie turi būti peržiūrėti ir iš naujo suformuluoti pasikeitus aplinkybėms. Imigracijos sąlygomis Suomijoje leidžiami laikraščiai rusų kalba sudaro galimybę rusakalbių lingvistinei mažumai įveikti tradicines išankstines nuostatas. Dauguma straipsnių atspindi tiek naujas, tiek senas vertybes bei formuoja identitetą, kuris apibūdinamas kaip rusiškų ir suomiškų nuostatų sintezė. Savirefleksijos ir identiteto tyrimai peraugo į vieną iš dinamiškiausių sąveikų, siejančių lingvistiką su antropologija, sociologija ir psichologija. Specifiniai pokyčiai vaizduojant tikrovę dėl istorinės ir kultūrinės aplinkos įtakos analizuojami remiantis tekstais, kurie atspindi Rusijoje, Suomijoje ir kitose šalyse gyvenančių rusų bei suomių tipiškus požiūrius ir elgseną.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: STEREOTIPAI, RUSAKALBIŲ IMIGRACIJA, TRADICINIŲ NUOSTATŲ PERFORMULAVIMAS, MAŽUMŲ SPAUDA.

Overcoming the Stereotypes: an Overview of Finland's Russian Press

Ekaterina Protassova

UNIVERSITY OF HELSINKI, FINLAND

SUMMARY. Over the past few decades, several million people speaking Russian as their mother tongue have immigrated to Europe from the former Soviet Union, and this number is growing all the time. After the collapse of the Soviet Union, they are not dissidents anymore and keep close contact with their countries of origin. The Russian emigration to Finland has experienced many waves for centuries, and Finnish people, as well as Finno-Ugric tribes, have been living in the territory of modern Russia. National stereotypes are rooted in historical events and real experiences, and they must be revealed and reformulated under transformed circumstances. In the immigrant situation, the newspapers published in the Russian language in Finland allow the Russian-speaking linguistic minority in Finland to overcome traditional prejudices. Many articles reflect new and old values and elaborate identities which are syntheses of Russian and Finnish views. The study of self-reflection and identity has developed into one of the most dynamic interfaces linking linguistics with anthropology, sociology and psychology. The specific changes in one's representation of reality due to the historic and cultural influence of the environment are focused on through analysis of texts dealing with typical views and behaviour of Russians and Finns in Russia and Finland and outside their respective countries.

KEY WORDS: STEREOTYPES, RUSSIAN-SPEAKING IMMIGRATION, REFORMULATION OF TRADITIONAL PREJUDICES, MINORITY PRESS.